

ВВЕДЕНИЕ

В зарубежной и отечественной медиевистике сложились три достаточно устойчивых, хотя и условных, терминологических понятия для обозначения «совокупности «западных» владений на Византийском Востоке и в Причерноморье» [Карпов 2000. С. 5]. Это Латинская Романия, ее часть Генуэзская Романия, и Генуэзская Газария, в свою очередь представляющая собой территориальный фрагмент Романии генуэзцев, расположенный в Северном Причерноморье. Именно Генуэзская Газария, существовавшая с 1260-х по 1475 г., является фоном, на котором рассматривается предмет исследования – геральдика генуэзской знати на памятниках камнерезного и декоративно-прикладного искусства из Северного Причерноморья.

В Северном Причерноморье главенствующая роль принадлежала Каффе (Феодосия), где генуэзское присутствие документально зафиксировано с 1270-х гг. Местности Чембало (Балаклава) и Солдайя (Судак) попали под их власть соответственно в 1357 и 1365 гг. К концу XIV в. генуэзские купцы имели фактории в Западном и Восточном Причерноморье и боролись за влияние в государстве Феодоро (Мангуп) и золотоордынском Солхате (Старый Крым). Совокупность этих городов и крепостей и составляла Генуэзскую Газарию. Строительство укреплений Каффы велось на протяжении двух веков, вплоть до 1474 г. Внутренняя часть крепости – цитадель, завершенная в середине XIV в., – защищала основные административные постройки. Городские кварталы были обнесены внешним поясом стен с башнями, с суши ограждены глубоким рвом с каменными мостами. Водная граница также ограждалась башнями.

Администрацию фактории возглавляли консул (первоначально избирался из генуэзцев на месте, в Каффе, в дальнейшем его присылали из Генуи) и два казначея-массария. Все они были представителями генуэзской знати и обладали родовыми гербами. В их обязанности входило не только следить за исполнением законов генуэзской коммуны, но и способствовать укреплению города, строительству храмов, мостов, фонтанов, колодцев.

Градостроительные успехи администрации отражались в надписях на закладных и строительных плитах, вмурованных в крепостные и храмовые стены, украшавших обрамления колодцев и водосборов. Содержание надписей варьировалось от лаконичных указаний на дату постройки и имя консула, ответственного за ее возведение, до развернутых деклараций с полной титулатурой дожа и генуэзских наместников. Общим оставалось неперенное присутствие геральдических символов метрополии и родовых гербов генуэзского дожа, консула и казначеев. Парадным монументальным плитам, подчас достигавшим 2,5 м в длину, безусловно, придавалось особое значение. Их высекали из мрамора или известняка, тщательно вырезали в невысоком рельефе тексты надписей и геральдические щиты с гербами, затем поверхность щита шлифовали и раскрашивали в соответствии с цветом символических элементов герба. Плиты устанавливали в нишах, специально выложенных в кладке крепостных стен и башен.

Известно около 80 памятников такого рода, хотя продолжающиеся археологические раскопки в Крыму, в частности, в крепости Чембало, дают надежду на дальнейшее расширение их круга. Большинство сохранившихся плит находится на территории Украины и Крыма – в Феодосийском краеведческом музее (ФКМ), в Архитектурно-историческом заповеднике «Судакская крепость» (АИЗСК), значительная часть которых расположена *in situ*, в Одесском историко-археологическом музее (ОИАМ), в лапидарии Национального заповедника «Херсонес Таврический» (НЗХТ). Шесть плит после 1771 г. по приказу Григория Потемкина были перевезены в Россию, долгое время хранились во дворцовом комплексе Павловска (под Санкт-Петербургом), но были утрачены в ходе Второй мировой войны. Одна из плит с генуэзской геральдикой из Каффы представлена на постоянной экспозиции «Золотоордынский Крым XIV–XV вв.» Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Две плиты, происходящие из генуэзской крепости в Чембало, находятся в музее Истории флота в Пельи под Генуей. Неустановленное число памятников разбросано по частным коллекциям. По

словам сотрудников ФКМ, нередко жители Крыма используют найденные ими образцы для украшения собственных дачных участков.

Изучению генуэзских плит препятствует ряд существенных трудностей – это весьма узкий круг известных памятников, их зачастую плохая сохранность, а также не всегда ясное происхождение. Многие закладные плиты использовались повторно в качестве строительных блоков, другие, извлеченные из стен и музеефицированные, утратили документацию о том, где они находились ранее; соответственно, их привязка к конкретным персонажам и историческим событиям практически невозможна. Однако даже с учетом этих факторов, обуславливающих объективную неполноту научных знаний по данному вопросу, изображения на закладных, строительных и надгробных плитах Генуэзской Газарии представляют собою уникальный комплекс источников по геральдике генуэзского нобилитета. Геральдический аспект изучения материалов этого круга до настоящего времени не получил исчерпывающего научного осмысления, чем и вызвано появление этой работы.

Цель данного исследования состояла в том, чтобы, рассмотрев гербы на каменных плитах как основной источник по геральдике генуэзского нобилитета в XIV–XV вв., сопоставив их с изображениями в гербовниках, выяснить, как реализовывались задачи геральдической практики в генуэзских факториях Крыма. В результате получился своеобразный геральдический и генеалогический справочник, включающий тех представителей генуэзской знати, чьи имена и родовые гербы или только гербы размещены на каменных плитах различного назначения или на предметах прикладного искусства XIV–XV вв., найденных на территории Северного Причерноморья и отвечающих западноевропейской традиции.

Традиционно строительные плиты изучались прежде всего как памятники средневековой эпиграфики, и лишь во вторую очередь авторов интересовало, кому принадлежали те или иные гербы, высеченные на них. Зачастую надпись с датой и именем консула не сохранилась или нечитаема.

Идентификация гербов призвана восполнить эти пробелы. Привлечение новых источников сделало возможным определение принадлежности ряда гербов на плитах к родам Андора, Гоано, Леркари, Роверето, Саули и др. Изучение геральдики генуэзских граждан по крымским закладным плитам позволило в некоторых случаях оспорить ранее принятую датировку плиты, а вслед за ней и самой постройки, исходя из изображения на гербовом щите (плита Маркони), а также датировать плиту с несохранившейся легендой на основании расположения гербовых щитов и изображений на них (плита Саули). В процессе изучения возникали варианты гербов, не учтенные в стеммариях. Их изображения были известны только по закладным плитам (Дзаккариа, Газано, Кабелла, Маури, Торселли, Чиконья). В этом случае прослеживается обратная связь – рельефные изображения гербов на плитах дополняют сведения, содержащиеся в стеммариях. Проанализировав изображения на плитах вкупе с надписями, мы можем почерпнуть ценную информацию о социальном составе городской администрации, о степени социальной активности состоятельных граждан, о количестве выходцев из Генуи и, шире, из Лигурии, проживавших в Крыму, то есть в какой-то мере персонифицировать аристократические слои населения факторий.

В результате поисков в фондах Феодосийского краеведческого музея и Архитектурно-исторического заповедника «Судакская крепость» уточнено местонахождение некоторых плит, опубликованных в трудах Е. Ч. Скржинской и Л. Маджоротти. К сожалению, далеко не все фрагменты каменных плит поставлены на учет в хранилище. В то же время записи в инвентаре о некоторых из них крайне лаконичны, что затрудняет их идентификацию с памятниками, описанными в литературе.

Благодаря работе автора в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа стало возможным привлечь нумизматический материал для анализа символики на генуэзских и татаро-генуэзских монетах. В свете поставленных задач рассматриваются и другие памятники прикладного искусства с геральдикой – свидетельства генуэзского пребывания в Крыму,

хранящиеся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа: – золотой перстень XIV–XV вв. с гербом рода Спинола, детали серебряного поясного набора, принадлежавшего, судя по гербам, знатному рыцарю из рода Негроне, фрагмент прессованного стекла, найденный в Херсонесе, с гербом рода Делла Винье и датой «1322», а также печать с эмблемой кузнеца, происходящая из раскопок в Старом Крыму. В 2004 г. в ходе работ Старокрымской археологической экспедиции под началом М. Г. Крамаровского был найден фрагмент стеклянного сосуда с гербом, раскрашенным эмалевыми красками. Автору данной работы удалось убедительно приписать его генуэзскому роду Монелья. Еще ожидает своей идентификации четырехпольный герб, вырезанный на бронзовом перстне-печатке, обнаруженном при раскопках крепости Чембало в 2003 г. [Адаксина, Кирилко, Мыц 2004. С. 240. Рис. 93. № 123. Рис. 106].

В работе использованы фотографии и прорисовки плит из корпуса Е. Ч. Скржинской (1928), графические изображения судакских плит, выполненные художником Н. Ф. Лапиным (1928), а также фотографии каменных плит и крепостных стен из Феодосии и Судака, сделанные автором. Прорисовки таблиц с гербами выполнены с использованием программы Corel Draw В. В. Савельевым, за что автор приносит глубокую благодарность.

Помощь и содействие в работе автору оказали многие коллеги и друзья. Особую благодарность хочется выразить научному руководителю Г. В. Вилинбахову, научному консультанту и строгому критику М. Г. Крамаровскому, заведующему Отделом нумизматики В. А. Калинин и всему коллективу отдела, в особенности В. В. Гурулевой. Огромную признательность автор выражает С. П. Карпову и всем сотрудникам Лаборатории по изучению истории Византии и Причерноморья (МГУ) за внимание к работе, а также А. П. Черныху (Институт истории РАН) за доброжелательное отношение и бесценные советы. Автор чрезвычайно признателен за неоценимую помощь, оказанную в сборе литературы Алессией Даньино (Генуя), профессором Лигурийской Академии истории и

литературы Джео Пистарино (Генуя), Татьяной Клебановой (Генуя) и Генри А. Лихстайном (Лос-Анджелес), а также администрации и сотрудникам музеев Феодосии, Судака, Херсонеса и крепости Чембало. Отдельное спасибо – Ч. А. Мезенцевой (ГЭ) за многолетнюю и последовательную менторскую и дружескую опеку.

Характеристика письменных источников. Интерес к фиксации и описанию геральдических знаков по установленным правилам у лигурийской знати проявляется лишь в первой половине XVII в. под сильным воздействием испанской традиции. О том, насколько королевства Испания и Португалия опережали в XV в. итальянские синьории и города-республики в своем стремлении регламентировать сословные привилегии нобилитета, обладавшего правом на герб, можно судить по законодательным актам этих стран. Еще в 1485 г. португальским королем Жоаном II была проведена гербовая реформа, результатом которой стало введение королевского надзора над процессом регистрации благородных фамилий и их гербов. По повелению Лиссабонского двора уже в 1509 г. начинают собирать глобальный геральдический свод *Livro Grande*. В «отстающей» Генуе начали аналогичную реформу и составление *Liber Civilitatis* (Книги города лигурийской аристократии) лишь в 1528 г. по инициативе дожа Андреа Дориа.

Начиная с XVII в., генуэзский патрициат заказывает экспертам свои генеалогические древа и истории фамилий. Но с течением времени аристократы приходят к выводу, что никто не справится с задачей прославления их доблестных предков лучше, чем они сами. Поэтому львиная доля этих трудов написана самими представителями знатных лигурийских династий Франдзоне, Одерико, Скордза, Адорно, ди Негро. Эта традиция сохранилась вплоть до конца XX в.

До нашего времени не дошли письменные генуэзские источники, относящиеся к золотому веку геральдики (XIII–XV вв.). Труд А. Франдзоне

«Аристократия Генуи» [Franzone 1636] вызывает особый интерес как наиболее ранний пример источника по родовой геральдике Генуи. В нем содержится подробное описание гербов 36 старейших лигурийских семей, сопровождаемое гравированными таблицами с их изображением, объединенными по принципу принадлежности родов к семейным кланам. Наибольшим количеством личных эмблем отличается геральдический свод Дж. Ф. Пьюма «Гербы знатных генуэзских фамилий, приписанных к аристократии или тех из них, кто входил в состав правительства республики Генуя» [Piuma MS], составленный в первой половине XIX в. Первые 36 страниц полностью переписаны с А. Франдзоне, но, начиная со следующей стеммарий расширяется до 3183 гербов фамилий, расположенных в алфавитном порядке. Еще около десяти гербовников насчитывается в период с XVIII до начала XIX столетия, но ни один из них не превосходит свод Дж. Пьюма по количеству приведенных цветных изображений гербов.

Важнейшими трудами по генеалогии единогласно признаются четыре манускрипта Ф. Федеричи, датируемые исследователями серединой XVII в. Это прежде всего манускрипт о происхождении генуэзских фамилий, осевших в Генуе до 1525 года [Federici MS]. История династий в легендарных и архивных сведениях до сих пор является отправным документом в любом исследовании прошлого этой местности. Рассказ о каждой семье снабжается акварелью с гербом. Среди современных историков бытует представление о так называемой фантастической геральдике (*l'interpretazione fantasiosa o ideale*), как о своеобразном литературном жанре, получившем распространение в начале XVII в. К нему относятся и сочинения Ф. Федеричи, и аналогичная им работа О. Гандуччо «История старинных генуэзских домов» [Ganduccio MS]. Подобный метод освоения геральдического материала оставался актуальным вплоть до конца XIX столетия.

Произведение в пяти томах с цветными изображениями гербов С. А. Делла Челла «Генуэзские семейства, старинные и современные, исчезнувшие

и живущие, нобильские и пополярские...» [Della Cella 1790 MS] так и не было опубликовано, а хранится в виде манускрипта частично в Секретном Архиве, фонд Коммуны Генуи (главы А – С), частично в Городской библиотеке Берио (главы D – O).

В манускрипте Д. Пьяджо «Эпитафии, надписи и гербы на мраморных и каменных плитах из генуэзских церквей» [Piaggio 1720 MS] приведены графические изображения геральдических знаков и тексты надписей на надгробиях из всех действовавших на тот период генуэзских храмов.

Изданная в первой половине XIX в. «Генеалогия генуэзских родов» Н. Батиллана [Batillana 1825–1833] представляет собой исследование «нового поколения», структурированное как бесконечное генеалогическое древо со сложными многократно перекрещенными семейными линиями. Оно охватывает порядка ста самых знаменитых и прославленных династий, таких как Адорно, Вивальди, Гримальди, Дория, Кампофрегозо, Спинола и другие. Подобную схему задает сам материал. Однако этот известнейший труд изобилует неточностями в датировках и именах. К этому же типу относится и «История генуэзской аристократии» Дж. Де Феррари [De Ferrari 1898] — последняя попытка создать обобщающий труд по генеалогии, вместив наибольшее число лигурийских родов.

В XX в. вновь возрождается интерес к собственно геральдическому аспекту истории генуэзского дворянства. В 1920 г. выходит в свет «Геральдическая энциклопедия Италии», ее автор – представитель генуэзской аристократии А. М. Дж. Скорца. Его же перу принадлежит краткий генеалогический свод «Знатные фамилии Генуи» [Scorza 1924], где содержится более 830 описаний гербов (без иллюстраций) наряду с основными вехами истории семей. В альбом этого же автора «Золотая книга» генуэзской аристократии» [Scorza 1920] включены около девяти сот цветных изображений личных эмблем.

В ином ключе решено фундаментальное исследование Ф. Грилло, озаглавленное как «Историческое происхождение местностей и старинных

фамилий граждан Генуэзской республики. Коммуны, фракции, приходы и полемика вокруг них с 958 по 1797 г.» [Grillo 1960]. Временной охват документальных свидетельств, почерпнутых из Секретного Архива Генуи, генуэзских хроник, записей о крещении из церковных книг и прочих источников по истории местности, необычайно широк (первые документально подтвержденные сведения о жителях лигурийской области, приводимые в этой работе, относятся к 958 г.). Не менее впечатляет и количество местностей и фамилий, перечисленных в труде Ф. Грилло – 3033 названий и 12 839 фамилий генуэзских жителей. Сведения, собранные генуэзским ученым, позволяют сопоставить разночтения в способах написания фамилий, известных по разным источникам (по закладным плитам и документам), и проследить, в какое время представитель того или иного генуэзского рода впервые занял административный пост. Более того, стало возможным установить, каково происхождение некоторых генуэзских граждан, многие из которых переселились в Геную из других итальянских областей и городов – Пьемонта, Неаполя, Тосканы, Рима, Сицилии.

Изучение истории генуэзских поселений в Северном Причерноморье имеет богатые историографические традиции. Еще на заре XIX в. началась основательная и интенсивная деятельность по выявлению и публикации источников и архивных документов, причем как в самой Генуе, так и за ее пределами, в основном в России. Для этой цели были созданы два научных объединения – в Италии – Лигурийское общество отечественной истории (в 1858 г.) со своим печатным органом *Atti delle Societa Ligure di Storia Patria* и в России – Одесское общество истории и древностей (в 1839 г.), выпускавшее «Записки ООИД». В целях укрепления сотрудничества и обмена информацией между этими обществами проводились совместные выставки, публиковались переводы работ исследователей в русском и итальянском изданиях. К сожалению, с началом Первой мировой войны эти многообещающие контакты были прерваны на многие десятилетия. Их постепенное возобновление относится уже к середине 1980-х гг.

Большим подспорьем для любого исследователя, обратившегося к истории Каффы, является значительная группа опубликованных частных-правовых актов, состоящая из многочисленных контрактов, договоров о найме, описей имущества, текстов завещаний, доверенностей, и публично-правовых, таких как протоколы судебных разбирательств по искам каффинских и солдайских граждан. К этой группе письменных источников примыкают массарии, или рукописные книги казначейства Каффы, по одной из которых за 1374 г. был составлен и опубликован так называемый путеводитель [Пономарев 2005], представляющий собой поименный список всех упоминаемых в документе жителей Каффы за данный год. Из этих источников мы можем почерпнуть сведения об именах и фамилиях, а также роде занятий каффинских жителей, выявить, кто из представителей лигурийской знати попадает в колониальные земли раньше, а кто позднее. Сюда следует отнести материалы, опубликованные Г. Айральди [Airaldi 1974], М. Баларом [Balard 1973, 1978], Л. Баллетто [Balletto 1976, 1993, 2000], Э. Бассо [Basso 1993, 1994], А. Больдорини [Boldorini 1965], Г. Брэтиану [Brătianu 1929], Дж. Бальби и С. Райтери [Balbi Raiteri 1973], С. Оригоне [Origone 1983], С.П. Карповым [1998], А.Л. Пономаревым [2000, 2005] и Дж. Пистарино [Pistarino 1988, 1990, 1992].

Уникальным письменным источником для изучения последнего этапа бытования генуэзских факторий в Северном Причерноморье до сих пор остается официальная переписка между правлением Банка св. Георгия в Генуе и местной администрацией Каффы, Солдаи и других факторий. Собрание этих документов под названием «Дипломатический кодекс Тавро-лигурийских колоний в период управления ими Банком св. Георгия (1453-1475)» было опубликовано А. Винья в «Трудах Лигурийского общества отечественной истории» [Vigna 1868–1871] на языке оригинала — средневековой латыни, принятой при ведении официальных переговоров, и генуэзском диалекте. Трехтомное издание внушительных размеров содержит комментарии публикатора, отсутствие которых во многом осложнило бы и

без того нелегкий процесс прочтения этих исторических свидетельств. Оставляя в стороне вопросы внутренней и внешней политики Каффы, ее взаимоотношений с соседними государствами, отраженные в «Кодексе», мы целиком сосредотачиваем внимание на социальных проблемах, сословной структуре каффинской администрации, распределении должностей между представителями лигурийской знати. Такую возможность нам предоставляют публикации А. Винья, где зафиксированы все назначения граждан метрополии на административные посты разного уровня с указанием точных сроков их пребывания в должности.

Собрание документов Генуэзского Государственного Архива представляет непреходящую ценность для исследования, особенно та его часть в составе Секретного Архива, которая именуется *Diversorum, filze*. Эти материалы содержат разнородную информацию — в архивной описи они обозначены как «прошения, объявления, декреты, охранные грамоты, помилования заключенных, предоставление репрессалий и пожалования привилегий» [Карпов 1995. С. 9]. Исследовавший эти фонды С. П. Карпов выявил материалы, относящиеся к истории Причерноморья, и составил их регесты [1998]. Основная масса актов относится к периоду с 1420 по 1477 г. Из 149 документов большинство (86,6%) — судебные, незначительная часть представлена финансовыми, дипломатическими и административными материалами. В ряду судебных дел наблюдается преобладание частных петиционных исков в различные инстанции метрополии. Как отмечает С. П. Карпов, «петиции воссоздают палитру жизни в факториях, с ее трудностями и разочарованиями, и наглядно показывают приоритеты генуэзских предпринимателей» [1995. С. 11]. Основным местом действия или событий названа Каффа — в 124 документах, по подсчетам С. П. Карпова. Таким образом, мы можем извлечь поименные списки нобилей, жителей Каффы, Солдайи и Чембало во второй половине XV в.

Фундаментальным публично-правовым документом, отражающим изменения в административной структуре Каффы в середине XV в., следует

признать Статут 1449 г., отличный от прежних (1290, 1316 и 1398 гг.). Тексты статутов были опубликованы под редакцией А. Винья в 1879 г. Однако еще раньше, в 1863 г., выходит русский перевод под названием «Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 году» [Устав 1863]. Его выполнил известный ученый В. Н. Юргевич, которого наряду с Н. М. Мурзакевичем можно отнести к «первопроходцам» в деле изучения и описания истории генуэзских поселений в Крыму. В предваряющей перевод статье автор доводит до нас сведения о происхождении списков с текстом Устава. Им была использована копия из библиотеки С. М. Воронцова, сделанная в 1843 г. с подлинника из архива Банка св. Георгия по поручению его отца, графа М. С. Воронцова, находившегося в то время на службе в Генуе. Латинский текст в некоторых местах искажен переписчиком, этим же объясняется наличие ошибок и неточностей, которые переводчик по возможности старался корректировать.

Проблемы изучения генуэзской геральдики XIII-XV вв. (историография).

Как уже было отмечено, основными источниками по родовой геральдике генуэзского дворянства XIII-XV вв. остаются строительные и надгробные плиты. Именно на них принято ссылаться и в старинных стеммариях, и в современной литературе.

Специальных работ, посвященных изучению геральдики на плитах из генуэзских факторий Северного Причерноморья, нет. К идентификации генуэзских гербов на каменных плитах из Крыма обращаются специалисты по средневековой латинской эпиграфике, анализируя надписи на плитах, и археологи, вводящие новый материал в научный оборот.

Особое место среди трудов по средневековой лапидарной эпиграфике Крыма занимают публикации Е. Ч. Скржинской. В изданном ею корпусе средневековых латинских надписей из Каффы, Солдайи и Чембало [Skrzinska 1928] общее число введенных в научный оборот плит и их фрагментов достигает 55, еще 22 фрагмента с частично сохранившимися

геральдическими изображениями, но без надписей, перечислены в приложении. В своей работе исследовательница опиралась на ранее изданные труды итальянских и крымских археологов и историков, интересовавшихся краеведением, среди которых заметки Г. Л. Одерико «Лигурийские письма...» [Oderico 1792], где были впервые представлены зарисовки строительных плит из Каффы, Л. С. Вакселя «Изображения разных памятников древности на берегах Черного моря, снятые с подлинников в 1797 и 1798 годах» [1801] и многочисленные статьи В. Н. Юргевича о генуэзских надписях в Крыму [1863, 1868, 1875, 1879, 1883, 1886], а также работы О. Ф. Ретовского, посвященные как новым находкам фрагментов плит с латинской эпиграфикой, так и генуэзско-татарским монетам [1896, 1891, 1906]. Отдельные плиты упомянуты в путевых заметках путешественника Ф. Дюбуа де Монпере [Dubois de Montpèreux 1843], а также в статьях М. Ремондини о надписи на башне папы Климента VI из Каффы [Remondini 1875] и Л. Бельграно о генуэзской надписи 1371 г. из Солдайи [Belgrano 1896] и Л. П. Колли о барельефе из Каффы с изображением св. Георгия [1903]. Эти работы тоже послужили исходным материалом для труда Е. Ч. Скржинской.

Всего в корпусе Е. Ч. Скржинской приведено и описано 39 плит из Каффы, 13 из Солдайи и три из Чембало. Самая ранняя каффинская плита датирована 1342 г., самая поздняя 1523 г. Из 22 датированных экземпляров с надписями строительного характера 17 несут геральдические изображения, еще три геральдические плиты датировок не имеют. Из Каффы также происходят 14 надгробных плит, из которых четыре — с родовыми гербами. Самая ранняя солдайская плита относится к 1371 г., кроме нее имеется еще девять плит с геральдикой. Из трех чембальских лапидарных памятников две плиты с гербами, на третьей, самой ранней, 1357 г., гербы не сохранились. Описание уже упомянутых 22 фрагментов без надписей и дат дано в приложении, их графических изображений автор не приводит. Среди них — плита с пятью гербами, по нашему предположению, 1421 г., плита, вмонтированная в западную стену Доковой (Арсенальной) башни, с

геральдикой консула Джоффридо Леркари и массариев 1472 г., а также обрамление колодца с гербами рода Чикала (Е. Ч. Скржинская ошибочно приписала их Дория).

Основной задачей, стоявшей перед Е.Ч. Скржинской, было изучение и систематизация латинских надписей генуэзского лапидария как исторических источников с тем, чтобы каждая надпись заняла свое место в ряду памятников по истории и культуре генуэзского Крыма. Поэтому все внимание исследовательница сосредоточила на их расшифровке и адекватном переводе. Собственно идентификация гербов производилась, но не была целью исследования. В данной монографии эта идентификационная линия будет существенно развита. Спустя 30 лет после выхода в свет этого каталога, в статье «Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма» [1958] Е. Ч. Скржинская дополняет солдайский лапидарий еще тремя закладными плитами с надписями и гербами. В результате была выявлена самая «младшая» плита из Судака – 1469 г.

К сожалению, в труде Е. Ч. Скржинской 1928 г. отсутствуют изображения большинства судакских плит. Это связано с тем, что плиты расположены на большой высоте и не поддаются фотофиксации без специальных приборов. Участник Судакской экспедиции 1926 г. художник-график Н. Ф. Лапин сделал прорисовки рельефов и надписей с 11 плит и затем опубликовал их в популярной брошюре «Сугдея-Солдайя-Судак» [1928]. По просьбе Н. Лапина известный специалист по геральдике В. К. Лукомский осуществил экспертизу судакских геральдических плит [РГИА. Ф. 986. Оп. 1. Д. 48. Л. 38]. Ее результаты проанализированы нами [Яровая 2003].

Особую значимость приобретают труды общего характера, где сведены воедино все известные геральдические плиты из различных генуэзских факторий. Именно это попытался сделать Л. А. Маджоротти в первом томе своего масштабного компилятивного исследования «Военная архитектура и архитекторы. Средние века» [Maggiorotti 1933]. Автор выступает как

апологет итальянской экспансии в Средиземноморье и Причерноморье. Общий милитаристский настрой книги не умаляет ее достоинств как первого свода большинства известных к тому времени закладных плит из Константинополя, Перы, Хиоса, Амастры, Каффы, Солдайи, Чембало и других мест, где оставили свой след генуэзцы. Описание фортификационных сооружений, сотворенных *genio italiano* в Палестине, Сирии, Малой Азии, Македонии, Греции и на Кипре, наряду с краткой историей факторий, ставит книгу в ряд обобщающих трудов. Затрудняет научную работу с ней как с источником отсутствие научно-справочного аппарата и развернутого историографического обзора. Исключение сделано автором лишь для В. Юргевича и Е. Скржинской, упомянутых в разделе о Газарии. Цель книги заключается в том, чтобы в финале составить наиболее полный перечень «военных архитекторов», — в основном, консулов и должностных лиц факторий, по чьему приказу возводились крепостные укрепления и чьи инсигнии выбиты на строительных плитах. Крымской Газарии посвящена глава IV — самая большая часть этого 635 страничного труда — 170 страниц.

Свод, подобный труду Е. Ч. Скржинской, публикует специалист по латинской эпиграфике Э. Росси о генуэзском лапидарии Перы (Галаты) [Rossi 1928]. Им приведены данные о 36 закладных плитах с именами членов генуэзской администрации в Пере, в их числе и 12 плит, ныне уже не существующих. Археолог Э. Далледжо д'Алессио продолжил изучение памятников Перы в работе, посвященной генуэзским надгробиям из храма Арап-Джами [Dalleggio d'Alessio 1942]. Этими авторами собран и приобщен к каталогу богатый иллюстративный материал — сфотографированы и проанализированы надписи и изображения 105 надгробных плит лигурийцев, населявших Перу с начала XIV в. до ее падения под натиском османов в 1453 г.

Выходили и отдельные статьи, в которых впервые рассмотрены и сгруппированы плиты из генуэзских поселений в Малой Азии и на о. Хиос. Частично данные, приводимые в книге Л. Маджоротти относительно

генуэзских надписей из Самастро (Амастрида, Амасра) и Эноса, почерпнуты из работ археолога Ф. Хэслака. Именно Ф. Хэслаком в начале XX в. были заложены основы для дальнейшего изучения генуэзского присутствия на османской территории Амасры. В очерке «Генуэзская геральдика и надписи из Амасры» [Hasluck 1910-1911] им описаны 12 закладных плит с геральдикой лигурийской администрации этой фактории и идентифицировано большинство геральдических знаков. В 1950-е гг. эстафету принял С. Эйче, автор монографии об Амасре и ряда статей по генуэзским плитам, обнаруженным на территории современной Турции. В итоговой работе «Генуэзские гербы из Амасры» [Eyüce 1987] им было введено в научный оборот еще семь геральдических плит, при этом определения предшественников проанализированы заново и зачастую критически. Несмотря на серьезный подход и свободное владение археологическим материалом, некоторые выводы С. Эйче в дальнейшем кажется целесообразным пересмотреть. Его идентификации базируются на необоснованной посылке, что на плитах из Амасры размещался родовой герб подеста Перы и консула Каффы, а не консула Амасры, так как автор убежден, что у фактории не было своего главы, и она подчинялась в разное время то Пере, то Каффе. Исходя из этого, следует, что датировки на амасринских плитах должны устанавливаться в соответствии с известными сроками правления консулов Каффы и Перы. Но это не так.

С середины 1980-х гг. археолог З. Дюльль обращается к истории Амасры, надгробным плитам Перы, латинской эпиграфике Константинополя. Ее статья, озаглавленная «Гербы как исторический источник. Флорентийские купцы в генуэзской крепости Самастро на Черном море» [Düll 1989], имеет для нас принципиальное значение. Идея З. Дюльль сводится к следующему: специфика декора и орнамента закладных плит из Самастро — в данном конкретном случае речь идет об изображении флорентийской лилии — является доказательством присутствия среди колонистов тосканских купцов. То же самое относится и к геральдическим знакам.

Глубиной исследовательского анализа отличается диссертация Дж. Бернабо ди Негро «Геральдика в Генуе» [Bernabo di Negro 1983]. Это – первый аналитический труд по геральдике Лигурии. В первой части затрагиваются вопросы, связанные с городской геральдикой Генуи и предместий, вторая посвящена анализу феномена родовой геральдики. Полное название отражает цели и задачи автора: «Истоки и значения исторической и социальной реальности». Основанная на глубоком знании предмета, вобравшая весь пласт предшествующих исследований, эта работа значима не только как собрание исторических и легендарных фактов и сведений о гербах генуэзских фамилий и интерпретации символического значения их эмблем, но и как методическое пособие по обработке такого рода материала. Автор использует данные из корпуса Е. Ч. Скржинской, привлекая в качестве примеров рельефы на плитах из крымских факторий для уточнения датировок появления того или иного родового герба.

Особый интерес в связи с вопросами эмблематики и геральдики представляет статья Дж. Пистарино «Символы власти» из сборника «Властелины моря» [Pistarino 1992]. Автор рассматривает историю символических изображений на печатях, знаменах и монетах генуэзской коммуны, а затем и ее факторий в Причерноморье в различные исторические периоды.

За недавние двадцать лет (1985-2005) коллекция эпиграфических памятников Каффы и Солдайи пополнилась новыми находками. Всего найдено и описано две плиты из Каффы, четыре из Солдайи и одна из Чембало. В ряду последних по времени особо ценных эпиграфических находок стоит верхняя часть наличника, украшенная орнаментом в виде так называемой сельджукской цепи, с латинской надписью 1406 г. и двумя генуэзскими нобильскими гербами, известная по работам Е. А. Айбабиной [1988] и А. Г. Еманова [1998]. Каменное обрамление каффинского колодца, подписанное мастером-резчиком Михаилом из Падуи и датированное 1331 г., с гербом Генуи и фамильной символикой трех знатных лигурийцев, впервые

опубликовано М. Г. Крамаровским [1992]. Таким образом, нужно констатировать тот факт, что самый «старший» геральдический памятник Каффы, свидетель пребывания там генуэзцев, относится не к 1342 г., как полагала Е. Ч. Скржинская, а выполнен на 11 лет раньше. Солдайские строительные плиты с геральдикой подробно проанализированы в статье И. А. Баранова и Л. Г. Климанова [1997]. К стилистическим особенностям строительных плит из Каффы обращается Е. А. Айбабина в своей диссертации «Декоративная каменная резьба и пластика средневековой Каффы» [2000], подразделяя их на плиты с западным (итальянским) декором и с декором в стиле сельджукской орнаментики. В своей монографии по материалам диссертации Е. А. Айбабина [2001] дает неверную датировку плиты с Доковой башни 1467-1468 гг., проистекающую из ошибочной идентификации гербов, приписанных консулу Джентиле Камилла и массариям Джо Лоренцо Кабелла и Баттиста Джустиниани. Поскольку в действительности центральный герб принадлежит консулу Джоффридо Леркари, а фланкирующие его – массариям Антониотто Кабелла и Баттиста Джустиниани, датой закладки плиты следует считать 1472-1473 гг.

В подробной статье Л. Г. Климанов вновь возвращается к новооткрытой плите 1426 г. с родовым именем Камилла, неизвестного консула Солдаи [2000]. Свою идентификацию двух из четырех гербов, высеченных на колодезном венце 1331 г., предлагает А. Г. Еманов [2002], считая их геральдическими символами ордена францисканцев. Дискуссионными следует признать его толкования городской символики Каффы [1997], в частности, изображений генуэзских «Врат» (см. в главе 3.4) и св. Георгия на каффских аспрах. Еманов впервые привлекает внимание исследователей к геральдическим граффити, процарапанным на стенах Судакской мечети [2005]. Судьба генуэзских эпиграфических памятников, вывезенных в конце XVIII в. из Каффы на территорию центральной и северо-западной России была прослежена Д. В. Вальковым [2005].

Подводя итоги обзору литературы, надо признать, что ни зарубежная, ни отечественная историография не создала традицию комплексного изучения социальной структуры каффинского общества, выявления факторов, оказывавших на нее влияние, соотношения нобилей и пополаров в факториях и метрополии, и, наконец, специфических аспектов лигурийской геральдической системы применительно к латинянам – жителям факторий. В этой работе мы стремились по-новому взглянуть на уже освоенный источниковый материал, изменив ракурс изучения такого привлекательного в научном плане объекта как Каффа и перенеся акценты с торгово-коммерческих и общеисторических вопросов на более частные, но не менее важные социальные и смежные с ними геральдические. На сегодняшний день подобный подход к теме видится перспективным и многообещающим. Перенацеленность данного исследования с локальных эпиграфических проблем расшифровки латинских легенд на плитах на геральдическую сферу создает насущную необходимость в постановке и решении новых задач, «выросших» на почве, подготовленной Е. Ч. Скржинской и собранными ею материалами.